

10.04.2010

Киргизия-Армения:

между тиранией и бунтом - право на восстание

Произошедшие с 2008 года изменения в международных отношениях, как видно, радикально изменили и условия существования новых независимых государств на постсоветском пространстве. Если годы назад одной из центральных тем дискуссий были приписываемые усилиям Запада «цветные революции», то в настоящее время политический мир начинает сталкиваться с беспрецедентными внутренними перевоплощениями государств этого пространства. До сих пор нет рациональных оценок итогов последних президентских выборов на Украине, где в результате признанных всем миром президентских выборов к власти пришел деятель с необъяснимыми политическими качествами – В. Янукович. Мало кто может понять суть изменения отношения мирового сообщества к Грузии. И совершенно неясной представилась миру картина произошедших с Киргизией перемен.

Попытки оценивать происходящее через призму избитой политологической парадигмы – «противостояние США с Россией» – всего лишь загоняют политическую мысль в тупик. Каждую секунду появляются факты, не входящие в логику подобных рассуждений. Приходится признать, что политический мир вошел в новую фазу развития, где невозможное становится явью. Спустя несколько лет после «тюльпановой революции» 2005 года широкое народное движение смело политическую систему этой страны, обрушив практически все государственные институты. В стране установилась анархия в виде необузданной свободы всех слоев общества. При этом, никто из ведущих держав не только не желает брать ответственность за происшедшее, но и не проявляет особой охоты открыто вмешиваться во внутреннюю ситуацию этой страны.

Сказать, что никто не был в этом заинтересован – было бы неверным. Несомненно, чья-то рука извне подталкивала эти события. Но, видимо, что-то было неожиданным для всех. Скорее всего – результат и возникшие по результатам новые масштабные проблемы. По крайней мере, ни у кого не замечается желания осудить действия народа Киргизии и свести события к проискам каких-то сил. Примечательно, что даже президент России Дмитрий Медведев, комментируя ситуацию в Киргизии, отметил: «то, как выражен протест, свидетельствует о крайней форме возмущения действующей властью у простых людей».

Вместо клише о «бархатной революции» появились иные определения. Сами заявившие о своей ответственности за ситуацию в Киргизии деятели (так называемое временное правительство) пока не знают как называть себя: властью, или оппозицией. Не знают как квалифицировать и произошедшие в стране 7 апреля события. Признанный руководством России лидер временного правительства Киргизии Роза Отунбаева, всего лишь, пояснила, что «может быть, это была народная революция, может быть, народный бунт, может быть, людской отпор... это ответ на репрессии, тиранию и агрессию, которые власть сделала».

Иного и не могло быть в связи с тем, что вместе с политическими результатами, массовые действия народа ознаменовались масштабными погромами, грабежами, разносторонним насилием, порчей и захватом собственности и необычными низовыми организационными процессами. Совсем непонятно, кто и где есть хозяин положения, и кто есть политический лидер этого процесса. Отсюда и неуверенность в оценках.

Поскольку события в Киргизии вызвали большой резонанс в среде общественности Армении, имеется смысл поговорить об универсальных составляющих описываемого киргизского феномена. Армянская общественность пока еще находится в стадии «переваривания» событий 1 марта 2008 года в Ереване. До сих пор не имеется убедительной оценки причин и результатов той коллизии. Тем более – не имеется представлений о возможном развитии внутривнутриполитических процессов в Армении. Не случайно, что основным тезисом в устах армянских политиков мгновенно стал тезис о том, что «это совсем разные процессы». В этом проявился всего лишь страх за отождествление внутренних процессов Армении с ситуацией в Киргизии. При этом, такой позиции придерживаются как действующие власти, так и оппозиционные силы. Скажем, координатор офиса Армянского национального конгресса Левон Зурабян считает, что «Эти разрушения и погромы на самом деле не имеют никакого смысла, они вредны для государства». При этом, сравнивая ситуацию с Арменией, он сделал достаточно смелое в теоретическом плане заключение о том, что «Армянская оппозиция выбрала не экстремистский путь борьбы, а конституционный». То есть, действия народа Киргизии пока что лишь в Армении оцениваются как «антиконституционные».

Руководитель парламентской фракции правящей Республиканской партии Армении Галуст Саакян тоже уверен, что «События 1 марта нельзя сравнивать с подобными явлениями. Это не та проблема, когда нация делится на две части, которые хотят перегрызть друг другу глотки». Этот деятель сделал примечательное заявление о том, что «в Киргизии идет гражданская война и еще рано искать виновных в этих событиях».

Однако фактом остается то, что неприемлемую правящую элиту отстранил от рычагов государственной власти народ Киргизии. Пока еще никто не посмел отделить события в Киргизии от народа. То есть, никто не может исключить народ как источник происходящих событий – даже те, кто усматривают в этих событиях внешнее влияние. Народная революция, народный бунт, людской отпор, народное восстание, гражданская война – таковы имеющиеся оценки. Лишь некоторые одиозные информационные источники посмели употребить слово «переворот».

В этом и познавательная ценность событий в Киргизии. Заикленность армянских политиков лишь на желании самоотстраниться от киргизских событий пока не позволяет вникнуть в глубинную суть произошедшего в этой стране изменения. Оправдание ищется в попытках поставить под сомнение прогрессивный смысл происходящего, приемлемость подобных действий народа и пр. Однако многое можно понять, если предположить, что впервые проявил себя социально-политический и психологический феномен, не позволяющий ставить под сомнение свою законность. Ибо, субъектом является народ, решивший ликвидировать навязанные ему правила жизни.

О новых правилах сам народ пока не говорит – эти правила всего лишь укореняются в жизни. Жестко и в организованной форме бьют грабителей и мародеров. Делят собственность и пр. Пока что о политических результатах никто твердо говорить не может. Та же Отунбаева всего лишь заявила, что «чтобы ни было, мы хотим сказать «нет» тирании и хотим строить демократию... В течение полугода должна быть принята новая конституция Киргизии. Временное киргизское правительство рассчитывает в течение полугода узаконить новую власть и сделать Киргизию парламентской республикой.

Сколько стоят ее слова – сейчас судить трудно. Киргизы начинают с нуля. Соответственно, и восстановление государственного контроля над страной, и гражданская война, имеют одинаковые шансы. Решающее значение должно иметь то, какой психологический настрой оставил в народе прошедший этап.

Здесь новым киргизским лидерам предстоит серьезно разобраться в том, что на самом деле произошло в Киргизии: восстание, бунт или революция? Ибо, в зависимости от целей и форм проявления народного протеста, кристаллизуется различный психологический настрой в обществе. Мировой опыт свидетельствует о том, что только осознанное и организованное восстание против тирании способно обеспечить рациональный настрой народа. Все остальные формы протеста оставляют глубокий иррациональный след в сознании общества и элиты.

К несчастью нынешних киргизских лидеров, есть достаточно оснований для того, чтобы квалифицировать события в Киргизии как всенародный бунт. То есть, эта страна имеет дело с иррациональным бесконтрольным протестом, исключающим строгую политическую цель. Само поведение различных слоев общества (судя по поступающей информации) свидетельствует о сказанном. Если бы какая-то политическая сила вовремя смогла бы организовать восстание, до бунта бы дело не дошло. Сейчас же, придется иметь дело с последствиями бунта.

Для того чтобы убедиться в этом, коротко остановимся на вопросе о том, что такое восстание в современном конституционном государстве, и отличается ли оно от революции, бунта, переворота? Опыт Киргизии должен быть поучительным для других государств. Одно желание на словах дистанцироваться от закономерностей киргизских событий, «спасти» не может.

Восстание – это силовой разгром правящей элиты, ее отстранение от конституционно узаконенных рычагов государственной власти. Восстание не посягает на устои конституционного порядка. Наоборот, восстание есть целенаправленный процесс защиты конституции и конституционного строя от посягательства правящей элиты. Этим оно отличается от феномена революции, сутью которой является смена основы государственного устройства – закона. Этим отличается и от бунта, который не имеет политической цели и является актом спонтанного выражения недовольства.

Примечательно, что ни одна конституция правового государства не запрещает восстание. Отсутствие такого запрета, по сути, является дополнительным механизмом усиления обязательного для всех конституций положения, запрещающего силовое посягательство на конституционный строй страны.

Тема права народа на восстание в современную эпоху актуализовалась в связи с тем, что наиболее частным явлением стало посягательство на конституционный строй государства правящими режимами государств. Именно правящие режимы предстают в настоящее время в качестве врагов узаконенных конституциями государственных порядков. Рычаги государственной власти превращаются ими в механизмы парализации законных порядков и прививания на их месте незаконных механизмов регуляции и контроля жизнедеятельностью обществ. Естественно, что главной технологией в этом случае становится репрессия. Силовые структуры и правоохранительные органы становятся главными рычагами подавления сопротивления общества.

Подобная деятельность правящего режима может квалифицироваться в качестве силового посягательства на конституционный строй страны. Сам же режим может оцениваться как преступный, поскольку не только отказывается от приписанной любой государственной власти функции защиты конституционного порядка, но и целенаправленно подрывает устои этого порядка. В случае, когда преступный облик правящей элиты не вызывает сомнения у народа, возникает ситуация, при которой восстание становится императивом.

Способность общества осуществить организованное восстание и реализовать цель смещения преступной элиты можно оценить как показатель высокого сознания. Проблема в том, что восстание является самым эффективным противоядием от иррационального взлета волны массовой беспредельной свободы в форме бунта. Бунт не имеет политической цели – бунт есть форма выражения недовольства в виде отпора тирании. Обязательным свойством бунта является его разрушительный характер. Бунт носит характер мести и является выражением низкого уровня сознательности. Бунтовское сознание отвергает любой авторитет – бунтовщик признает авторитетом лишь себя.

Не случайно, идея узаконивания права на смещение преступной правящей элиты путем восстания возникла одновременно с появлением конституционных государств. В Декларации независимости США от 4 июля 1776 года вписано: «... когда длинный ряд злоупотреблений и насилий, неизменно подчиненных одной и той же цели, свидетельствует о коварном замысле вынудить народ смириться с неограниченным деспотизмом, свержение такого правительства и создание новых гарантий безопасности на будущее становится правом и обязанностью народа».

Правда, другие конституционные государства ограничились лишь тем, что не запрещают в своих конституциях такого права или же, как в Турции, регламентируют право отстранения представляющих угрозу конституции правящих элит конституционному суду и армии. По сути дела, право на восстание признается естественным правом народа независимо от оценок самого феномена восстания. В преамбуле Всеобщей декларации прав человека записано: «... необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения...». Как видим, восстание не приветствуется, но признается в качестве «последнего средства» против беззакония правящих элит.

Ни бунт, ни революция не могут быть законодательно закреплены: они относятся к категории преступлений против конституции и государства. В разряд преступных деяний в конституциях современных стран отведена деятельность в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя. То есть, насильственные действия квалифицируются в качестве преступления в конкретно обозначенных сферах государственной жизни.

Обязательство государственной власти защищать конституционный строй закреплено в Конституциях, а право народа защищать этот строй от преступной элиты – специально не запрещено. В этом мудрость конституционных государств. Такое государство не может допустить самоубийственные действия собственных властей и народа – тиранию и бунт. Между тиранией и бунтом стоит осознанное восстание с конкретной политической целью: смещению преступной элиты и защите конституционного строя от посягательств последней.

Возвращаясь к теме Киргизии, можно утверждать, что эта страна имела шанс уберечь свой народ от бунта. Это можно было сделать в 2005 году путем доведения до конца организованного восстания против руководимой Аскармом Акаевым правящей элиты. Этого не было сделано – процесс отстранения правящей элиты тогда был приостановлен посредством внутривластного переворота. Акаев был отстранен, но элита осталась при власти. Вполне естественно, что наученная уроками неудавшегося восстания эта элита должна была усилить тиранию. Результатом должен был стать нынешний всенародный бунт. Повод нашелся бы всегда. Целенаправленного восстания уже никто не мог сделать – после событий 2005 года народ не воспринял бы ни чьего авторитета.

Члены нынешнего «временного правительства Киргизии» хорошо понимают это обстоятельство. Государственные органы не могут оказать никакого влияния на процесс самовольного захвата предприятий и земельных участков в столице страны. Они попросту ощущают, что не имеют на это ни морального, ни политического права. Не имеют они и уверенности в том, что сумеют удержать власть, хотя полиция и армия формально выразили им свое доверие. Так бывает тогда, когда власти не чувствуют себя хозяевами положения и авторами процесса смены власти.

Заметно, что вся надежда «временного правительства Киргизии» связана с внешними силами. 9 апреля вице-премьер временного правительства Киргизии Омурбек Текебаев заявил о желательности участия российских военных в качестве миротворцев в случае обострения конфликта в республике. По его мнению (скорее – желанию) «в случае конфликта российские военные могут участвовать в установлении мира и предотвращении конфликтов как миротворцы». Не случайно, в Киргизию прибыла делегация ОДКБ.

Угрозу гражданской войны не отрицают и политологи. Заместитель директора Института стран СНГ В. Жарихин считает, что риск гражданской войны в Киргизии сохраняется, хотя оппозиция де-факто пришла к власти... многое будет зависеть от поведения президента Бакиева». Директор Международного института политической экспертизы Е. Минченко заявил на днях, что «У Бакиева шансы вернуться в президентское кресло не очень велики, учитывая тот факт, что силовые структуры перешли на сторону оппозиции. Внешней военной помощи для возврата кресла он не получит. Российские войска в республике будут стабилизирующим фактором, который, скорее всего, не допустит разворачивания полномасштабной гражданской войны».

Сами пришедшие к власти силы рассчитывают на свое признание со стороны ведущих держав. Только таким образом они надеются на признание своей власти народом Киргизии. Таковы типичные результаты обрушения тирании в результате всенародного бунта. Бунт может создавать лишь вакуум власти. Восстановление государства в полном объеме становится трудным делом. Не случайно, что во многих странах постсоветского пространства реанимировались дискуссии по узаконению права на восстание в конституциях новых стран. Такая общественная активность существуют в России, на Украине и в странах Центральной Азии. Везде есть понимание, что не сдерживаемая ничем тирания правящих режимов ведет к краху государства.

Манвел Саркисян, специально для ARMENIA Today

От редакции: Манвел Саркисян - эксперт Армянского центра стратегических и национальных исследований.